

**Язык художественной литературы:
традиционные и современные
методы исследования**

*Сборник научных статей
(по материалам международной конференции
памяти Н.А. Кожевниковой)*

МОСКВА
2016

(экстаз, бред, видения), когда происходит соединение с внеземным началом. Отсюда возникает таинство творчества как процесса постижения красоты и истины. В годы же социалистического строительства творчество получает расширительную характеристику и соединяется с идеей построения нового мира.

N. A. Fateeva

*Vinogradov Russian Language Institute of the Russian Academy of Sciences
(Russia, Moscow)
nafata@rambler.ru*

POETIC DEFINITION OF CREATIVITY: EXULTANCY OR TORMENT?

The main task of the article is to analyze the patterns of use of the lexeme "creativity" in the Russian poetry of XIX-XX centuries in order to reveal constant and individual associations that it attracts. The work is based on the material of Poetic Subcorpus of Russian National Language Corpus. During the analysis, the following patterns were identified. First of all, poets mark the divine origin of inspiration. They also link the notion of "creativity" with the prophecy and the need for freedom of a creator. The creative process itself is conceptualized metaphorically as "burning", while poetic inspiration may be associated with both heat and cold. In the state of creativity poets can experience, on the one hand, joy, delight, on the other – sadness, anxiety, soreness, pain. Often creativity is conceptualized as borderline mental state (ecstasy, delirium, vision) that provides a connection with extraterrestrial beginning. Hence there appears a mystery of creativity as a process of understanding truth and beauty. During the period of socialist construction we observe the expansion of characteristics of "creativity" and it becomes to be connected with the idea of building a new world.

Key words: creativity, inspiration, analysis, poetical corpus, metaphor, mystery, new worlds.

Бранко Тошович

*Институт славистики Университета им. Карла и Франца
(Австрия, Грац)
branko.tosovic@uni-graz.at*

Художественная реинкарнация писателей

Предметом настоящего анализа является художественная реинкарнация (ХудРеи) – прием, при помощи которого реальные литераторы (поэты, прозаики и драматурги) превращаются в виртуальных, в героев повествования, художественные образы, литературные мотивы.

Ключевые слова: художественная реинкарнация, писатель, реальность и виртуальность, реинкарнатор, реинкарнат, реинкарнатура, А.С. Пушкин, И. Андрич.

0. В основе художественной реинкарнации (ХудРеи) лежит транспозиция – перенос индивида из реального пространства (прошлой жизни) в виртуальное пространство (художественную жизнь). Целевым пространством может быть прошлое (идеореалема находится в своем времени), настоящее (идеореалема транслируется во время повествования) и будущее (идеореалема становится частью будущего времени). ХудРеи используется в различных формах литературного творчества и во всех его родах, соответственно выделяется «встиховление» (стиховая реинкарнация, *Inversierung*), «вповествование» (прозаическая реинкарнация, *Innarratierung*) и «впьесение» (драматическая реинкарнация, *Indramatisierung*). В ХудРеи происходит транспозиция личности писателя, транспозиция его персонажей и транспозиция его мотивов, в результате чего возникает двойная трансформация: художественная модификация художественной модификации. Результаты данного приема имеют точки соприкосновения с культурами (единицами культуры), мемами (единицами культурной информации), симуляцией (порождением гиперреального предмета при помощи моделей реального, не имеющих собственных истоков и реальности), а также со стилизацией, особенно исторической. Процесс ХудРеи проходит так, что реинкарнатор (генератор оживления) выбирает реинкарнат (объект оживления) и превращает его в реинкарнатуру (результат оживления)¹.

1. В мировой литературе существуют яркие примеры художественного оживления писателей. В собранном (отобранном) нами материале реинкарнатом (объектом оживления) выступают: Джордж Гордон

¹ Более подробно о ХудРеи см. [Тошович 2016].

Байрон (Федерико Андахази «Милосердные», Сюзанна Кларк «Джонатан Стрендж и мистер Норрелл», Джон Краули «Роман лорда Байрона», Андре Моруа «Рождение знаменитости», Рейчел Хокинс «Проклятая школа», Том Холланд «Раб своей жажды»); сестры Бронте (Сири Джеймс «Тайные дневники Шарлотты Бронте», Жюстин Пикарди «Дафна», Джуд Морган «Тень скорби», Лора Джо Роулэнд «Засекреченные приключения Шарлотты Бронте»); Уильям Шекспир (Энтони Берджес «Влюбленный Шекспир», Роберт Най «Миссис Шекспир», Роберт Най «Покойный г-н Шекспир»); Джордж Бернард Шоу («Пигмалион «Смуглая леди сонетов»); Артур Конан Дойл (Джулиан Барнс «Артур и Джордж», Деннис Берджес «Врата «Трейвз»», Томас Уиллер «Арканум», Марк Фрост «Шесть мессий»); Эдгар Аллан По (Луи Байар «Всевидающее око», Эндрю Тейлор «Загадка Эдгара По», Гарольд Шехтер «Разговорчивый покойник. Мистерия в духе Эдгара По»); Эрнест Хемингуэй (Крейг Макдоналд «Убить Хемингуэя», Джеймс Олдридж «Последний взгляд», Леонардо Падура «Прощай, Хемингуэй!»); братья Гримм (Гайдн Миддлтон «Последняя сказка братьев Гримм»); Джейн Остин (Сири Джеймс «Потерянные мемуары Джейн Остин», Салли Смит О'Рурк «Человек, который любил Джейн Остин»); Оноре де Бальзак (Андре Моруа «Прометей, или Жизнь Бальзака», Марк Алданов «Повесть о смерти»); Сирано де Бержерак (Эдмон Ростан «Сирано де Бержерак»); Пьер-Огюстен Карон де Бомарше (Лион Фейхтвангер «Лисы в винограднике»); Публий Вергилий Марон (Данте Алигьери «Божественная комедия»); Вирджиния Вулф (Майкл Каннингем «Часы»); Иоганн Вольфганг Гёте (Милан Кундера «Бессмертие», Томас Манн «Лотта в Веймаре»); Чарльз Диккенс (Дэн Симмонс «Друд, или Человек в черном», Терри Пратчетт «Финт», Жан-Пьер Оль «Господин Дик, или Десятая книга»); Франц Кафка (Михаэль Кумпфмюллер «Великолепие жизни»); Вальтер Скотт (Михаэль Пайнкофер «Братство рун»); Брэм Стокер (Джеймс Риз «Досье Дракулы»); Марк Твен (Филип Хосе Фармер «Мир реки»); Оскар Уайльд (Ян Парандовский «Король жизни», Джайлз Брандлет «Оскар Уайльд и смерть, не стоящая внимания»); Гюстав Флобер (Джулиан Барнс «Попугай Флобера»); Джеффри Чосер (Филиппа Морган «Чосер и чертог славы») и др.

2. В сербской литературе главными реинкарнатами являются: Милош Црњанский (см. [Marčetić 2013]), Петр Кочич (Миленко Стоичич «Kočić, munja nad književinom» 'Кочич, молния над «книжвиной»', Бранко Чопич (Žurić, Vule «Republika Čopić: Narodnooslobodilački roman u devet ofanziva» 'Республика Чопич: Народно-освободительный роман

в девяти наступлениях), Данило Киш (см. [Stojičić 2015])... Но на первом месте находится лауреат Нобелевской премии за 1961 год Иво Андрич (Владимир Кецманович, Деян Стоилькович «Kainov ožiljak» 'Шрам Каина', Милисав Савич «Ožiljci tišine» 'Шрамы тишины', Миленко Стоичич: «iši tiše Andrićevo ime» 'Пиши тише имя Андрича', Петр Зец «Otrovani Balkanom: roman-film: omaž Ivi Andriću» 'Отравленные Балканы: роман-фильм: памяти Иво Андрича', Дивна Д. Радованович «Pesnik» 'Поэт', Раде Войводиц «Sudbina umetnika: razgovori s Ivom Andrićem» 'Судьба художника: беседы с Иво Андричем' и др.).

3. В русской литературе объектом ХудРеи является, в частности, Ф.М. Достоевский (М. Кутзее «Осень в Петербурге»), сестры Бронте (Екатерина Митрофанова «Роковая тайна сестер Бронте»), Жан-Батист Поклен Мольер (Михаил Булгаков «Жизнь господина де Мольера»), И.А. Бунин (Валентин Лавров «Холодная осень. Иван Бунин в эмиграции (1920–1953)»), Аркадий Гайдар (Борис Камов «Мальчишка-командир»), А.С. Грибоедов (Юрий Тынянов «Смерть Вазир-Мухтара»), В.К. Кюхельбекер (Юрий Тынянов «Кюхля»), В.В. Маяковский (В.В. Маяковский «Владимир Маяковский»)², Н.Г. Чернышевский (Владимир Набоков «Дар»), П.А. Вяземский, Н.В. Гоголь, Л.Н. Толстой, М.Ю. Лермонтов (Даниил Хармс «Проза и сценки. Пьесы. Стихотворения») и др. Но здесь особенно выделяется А.С. Пушкин (Юрий Тынянов «Александр Сергеевич Пушкин», Лев Рубинштейн «В садах лица», Даниил Хармс «Проза и сценки. Пьесы. Стихотворения», М.А. Булгаков «Александр Пушкин» [пьеса] и др.). ХудРеи Пушкина используется в текстах И. Бродского, Т. Кибирова и постмодернистов³.

4. В дальнейшем мы попробуем разобраться, в чем состоят совпадения и различия между ХудРеи двух главных реинкарнатов в русской и сербской литературах – между А.С. Пушкиным (прием «опушковения») и Иво Андричем (прием «вандричения»)⁴.

5. В настоящее время сквозь призму виртуальной реальности прокручивается русская и сербская классика, в первую очередь Пушкин и Андрич, и эти классики проверяются на прочность в экспериментах, игровых вызовах и протестах. Пушкин и Андрич являются объектом литературного подражания, копирования и клонирования, в результате чего они превращаются в своеобразный мем (знак с особой информа-

² Речь идет о художественной автореинкарнации.

³ «Удельный вес цитат из Пушкина в современной поэзии по сравнению с реминисценциями из других классиков очень высок» [Скворцов-www].

⁴ О ХудРеи И. Андрича см. [Тошович 2016].

цией). Эти два писателя становятся в русской и сербской культурах ориентиром во многих отношениях и предметом самых различных видов художественной обработки, репликации, копирования, при помощи ХудРеи происходит их удвоение (превращение в виртуальные) и репликация. Виртуальные Пушкин и Андрич иногда бывают такими, какими они никогда не были в реальности.

6. А.С. Пушкин является российским культурным символом, играющим роль архетипического, он давно стал эстетическим и нравственным мерилем, с которым многое сопоставляется и познается⁵. Неслучайно поэтому для художника Роберта Габитова он – девятая реинкарнация Кришны [Бакенбарды-www]. Пушкин выступает как бренд (глобальный, общенациональный – *начало всех начал*, гений, гуманист, выражающий национальный дух), бренд-символ (участник борьбы за счастье, мир и процветание народов). В середине прошлого столетия (точнее в 60-е гг.) интерес к Пушкину ослаб, а в конце XIX – начале XX в. он все чаще выступает предметом ХудРеи. Идея о Пушкине как бренде зародилась в конце XIX в. и пережила многочисленные модификации. В 1859 г. появился лозунг Ап. Григорьева *Пушкин – наше всё*. В прошлом столетии и особенно в период постмодернизма произошло новое позиционирование и переосмысление этого слогана и возникли новые виртуальные прочтения Пушкина. Определение *Пушкин – наше всё* в новых условиях наполняется новым содержанием и иногда доводится до абсурда. В настоящее время предпринимаются попытки выйти из заидеологизированного толкования Пушкина (происходит своеобразное сбрасывание этого классика «с корабля современности»), в результате чего он становится развратником, удачливым проходивцем, пересмешником, любовником, гонимым гением и т. д. Пушкин превращается в Щелкунчика, Кота Учёного, фонтан, цветочный вазон, кровать, умывальник, шарманку, даже вертолет и АЭС. Он высказывает отношение к виагре, реагирует на политические митинги, информирует о появлении новых певцов, оценивает песни рэперов, предупреждает НАТО⁶. Пушкина рисуют в спортивном костюме и с золотой цепью на груди⁷. Вир-

⁵ Черты виртуального Пушкина, которые далее приводятся, выделены по нашим наблюдениям и по ряду источников, в первую очередь: [Иезуитова 1967; Карпушкина 2000; Морозов, Фролова 1999; Муравьева 1995; Развадовская 2014, Райкова-www; Скворцов-www; Туманов 2013; Ястребов 2012].

⁶ В одной из сцен фильма «Разбудите Мухина» (1968) главный персонаж во сне пытается предотвратить дуэль с Ж. Дантесом.

⁷ Арт-группа «Синие носы» поместила Пушкина рядом с Христом и Путиным (Иисус держит свечку, Пушкин поджигает, а Путин загораживает от ветра).

туальный Пушкин одевается и причесывается по последней моде. У него циничное отношение к поэтическому творчеству (для него самое важное – получение гонорара). Он одинок, противопоставлен обществу, а судьба его трагична. Виртуальный Пушкин становится рекламным агентом, занимается продвижением социальных, политических и экономических идей. В мотиваторах и демотиваторах он сражается с безграмотностью, выступает против западной культуры и борется за здоровый образ жизни. Пушкин получает облик металлиста, байкера, хиппи, бодибилдера... Современная модификация образа Пушкина постоянно изменяется⁸. Некоторые в качестве метода осовременивания бренда «Пушкин» предлагают использовать пародию и провокацию. Он подвергается осмеянию, происходит издевательство над ним, часто за виртуальным образом теряется личность Пушкина (Д.С. Лихачев). В ХудРеи Пушкина используется редуцированная форма пародии (пастиш), основанная на парадоксальном дуализме и двойном кодировании⁹.

Пушкин обладает большой сексуальной силой. Он преданный поклонник женщин, но и беспощаден к ним. Пушкину присуща игривая куртуазность, он неугомонный распутник. Эти черты отражены в «Тайных записках А.С. Пушкина. 1836–1837», опубликованных в Америке и подготовленных российским эмигрантом М. Армалинским [Пушкин 1986]¹⁰. Позже «Тайные записки» были напечатаны в России.

Существует целый фонд пушкинских мотивов и сюжетов, пополняемый и перерабатываемый реинкарнаторами. Современные авторы иногда с иронией модифицируют пушкинские мотивы, общаются с Пушкиным в его же непринужденном тоне. Оживление Пушкина происходит в форме легенд, преданий, анекдотов. В литературных анекдотах у него появляются двойники, он быстр и подвижен, в народных и историко-литературных он странник и вечный путешественник, иногда мудрец и судья, иногда хулиган, действующий на грани приличия и на-

⁸ Например, герой романа Татьяны Толстой «Кысь» устанавливает Пушкину памятник из дерева на грядке, где народная тропа (все-таки) заросла укропом. В гротескной, сниженной форме появляется Пушкин в произведениях Даниила Хармса, в первую очередь в «Анекдотах из жизни Пушкина» (1939).

⁹ К сожалению, новое поколение принимает за реальность только поверхностный пласт художественных произведений, и виртуальный Пушкин становится для них реальным; точнее, виртуальная реальность понимается не как альтернативная реальность, а как реальная.

¹⁰ Он нигде не указывает, что это подлинный пушкинский текст, но и не утверждает, что он сам все сочинил.

меренно нарушающий его рамки. Нередко он выступает как человек с большим жизненным опытом.

7. Иво Андрич, как А.С. Пушкин в русской литературе, имеет исключительное место в сербской литературе. Он еще при жизни стал литературным каноном и эталоном литературного творчества, языка и стиля. Андрич был не только выдающимся художником, но и великим мыслителем. Своей жизнью и творчеством он сильно выделяется среди всех писателей своего времени. Андрич настолько высоко поднял уровень художественного творчества, что его планка является недостижимой для многих. Поэтому неслучайно, что он используется как художественный мотив и как художественный персонаж. В ХудРеи подвергаются следующие реальные маркеры этого единственного сербского лауреата Нобелевской премии: тихий, гнусавый голос, молчаливость, замкнутость, одиночество, мудрость, осторожность, бессонница, прогулка по определенному маршруту, увлечение женщинами, смерть, шляпа, плащ, очки, перо, сумка. Репликатеры Андрича выступают отдельно, комбинируются и объединяются. Господствующим мотивом является характерная черта писателя – молчание. В виртуальном Андриче появляются и характеристики, абсолютно не свойственные ему: он ругается матом, выражается нецензурными словами, говорит самые различные гадости, пищу буквально глотает, по национальности он является армянином и др. В одном произведении описывается невероятный конец его жизни: за час до смерти он засунул руку в блузку медсестры и умер с рукой на ее груди.

Реинкарнаторы используют, копируют, вводят, модифицируют многочисленные мотивы, связанные с жизнью и деятельностью Андрича, а также вносят в повествование его персонажи типа доктора Левенфельда, Милана Гавриловича, Омера паши, Джерзелеза, Радисава и др. В ряде случаев в качестве мотивов выступают его произведения, в первую очередь «Znakovi pored puta» 'Знаки вдоль дороги', «Na Drini ćuprija» 'Мост на Дрине', «Pismo iz 1920» 'Письмо из 1920 г.'.

Как и Пушкин, Андрич появляется в ситуациях, абсолютно не свойственных его реальной жизни: он мечтает сжечь Фонд Андрича, попадает в контекст ограбления бензоколонки, придуманного Микеланджело, в гостиничном номере он застаёт в кровати неизвестную молодую женщину, в поездках скрывает свою личность и называет различные профессии, в зеркале видит себя, разбросанного в тысячах кусочков. Иногда появляется полный нонсенс: Андрич был еще ребенком, когда Вук Стефанович Караджич стал первым лауреатом Нобелев-

ской премии за литературу (Караджич умер, когда Андрич еще не родился).

8. Создание виртуального Пушкина и Андрича имеет точки соприкосновения с культурами (единицами культуры) и мемами (единицами культурной информации). Пушкинский и андричевский мем – это любой элемент, часть и аспект жизни и деятельности А.С. Пушкина и Иво Андрича, получивший широкое распространение и ставший в области языка, литературы, культуры и истории узнаваемым и значимым. Оба писателя как художественные персонажи вышли за рамки одного поколения и перешли из категории горизонтального литературного мема (мема одного поколения) в вертикальный (мем нескольких поколений).

9. «Опушкновение» и «вандричение» имеют точки соприкосновения с симуляцией – порождением гиперреального предмета при помощи моделей реального, не имеющих собственных истоков и реальности [Бодрийяр 2013]¹¹. Превращение реальных Пушкина и Андрича в художественные персонажи представляет собой своеобразный симулякр в том отношении, что создается мнимая реальность, псевдовещь. Если ступени симуляции [Версия 1-www] соотносить с художественным внедрением этих литераторов, то получается следующее: в первой стадии происходит отражение реального Пушкина и Андрича; во второй они модифицируются, иногда до неузнаваемости; в третьей пропадает все то, что было реальным в жизни А.С. Пушкина и Иво Андрича; в четвертой виртуальные Пушкин и Андрич перестают иметь всякое отношение к реальным Пушкину и Андричу¹².

Современная модификация образа А.С. Пушкина и Иво Андрича представляет собой постоянно изменяемую форму, является самостоятельной процедурой смыслопорождения, ведущей к созданию псевдо-реальности. В их виртуальных образах много домысла и вымысла.

Л и т е р а т у р а

Бакенбарды русской поэзии [Электронный ресурс]. URL: <http://www.mk.ru/culture/article/2009/06/05/295180-bakenbardyi-russkoy-poezii.html>. 12.8.2016.

¹¹ Симулякр (копия без оригинала) предоставляет возможность создавать многомерное творчество. Прошлое с огромной коллекцией образов становится множественным симулякром. Иллюзия создаваемой реальности иногда выглядит очень убедительной.

¹² Оба приема (ХудРеи и симуляция) сходятся в том, что у них нет обязательного точного изображения.

- Бодрийяр Ж. Симулякры и симуляция. Пер. с франц. и вступит. статья О.А. Печенкиной. Тула: Тульский полиграфист, 2013. 204 с. [Оригинал 1981]
- Версия 1 [Электронный ресурс]. URL: http://vidimo-nevidimoe.ru/index.php?route=pavblog/blog&blog_id=179. 10. 12. 2015.
- Виrolainen М.Н. (ред.). Легенды и мифы о Пушкине. СПб.: Академический проект, 1995. 352 с.
- Иезуитова Р.В. Эволюция образа Пушкина в русской поэзии XIX века // Пушкин. Исследования и материалы / Отв. ред. Мейлах Б.С. Л., 1967. С. 113–139.
- Карпушкина Л.А. Образ А.С. Пушкина в русской литературе конца XIX – начала XX веков и проблема литературной рецепции: Автореф. ... канд. филол. наук. М., 2000. 239 с.
- Леушева С. Роман И. Новикова Пушкин в Михайловском // Литературная учеба. 1937. № 2. С. 145–147.
- Морозов И.А., Фролова О.Е. Пушкин в анекдоте // Живая старина. Журнал о русском фольклоре и традиционной культуре. 1999. № 4. С. 21–23.
- Муравьева О.С. Образ Пушкина: исторические метаморфозы // Легенды и мифы о Пушкине. СПб.: Академический проект, 1995. С. 113–133.
- Пушкин А.С. Тайные записки. 1836–1837. Minneapolis: M.I.P. Company, 1986. 91 с.
- Развадовская Н.А. Образ Пушкина в поэзии бардов и поэтов-песенников (Б. Окуджава, А. Городницкого, А. Деметьева, Н. Доризо) // Пушкин и мировая литература: Мат-лы 5 Междунар. конф., г. Минск, 7–8 октября 2014 г. / БГПУ им. М. Танка; редкол.: Т.Е. Комаровская (отв. ред.), О.Р. Хомякова, Т.В. Данилович. Минск: БГПУ им. М. Танка, 2014. С. 105–109.
- Райкова И.Н. Образ Пушкина в сказах Б.В. Шергина и народная традиция [Электронный ресурс]. URL: <https://refdb.ru/look/2535137.html>. 15.9.2016.
- Скворцов А.Э. «С Пушкиным на дружеской ноге» (Образ Пушкина и пушкинские мотивы в поэзии Игоря Иртеньева, Тимура Кибирова и Алексея Цветкова) [Электронный ресурс]. URL: <http://old.kpfu.ru/science/news/pushkin/p41.htm>. 10.9.2016.
- Тошович Бранко. Художественная реинкарнация // Актуальные проблемы стилистики. М., 2016. № 2. С. 159–171.
- Толстая Т.Н. Кысь: Роман. М.: Подкова; Иностранка, 2000. 381 с.
- Туманов Д.В. Виртуализация образа А.С. Пушкина в традициях постмодерна // Ученые записки Казанского университета. Т. 155. Кн. 6. Гуманитарные науки. Казань, 2013. С. 153–161.
- Ястребов А.Л. Пушкин и пустота: рождение культуры из духа реальности. М.: РИПОЛ-классик, 2012. 605 с.
- Marčetić Milovan. Putnik sa dalekog neba: Miloš Crnjanski u priči. Beograd: Laguna, 2013. 388 с.
- Stojičić Milenko (priredio). Kiš, stihovanja. Banja Luka: Besjeda, 2015. 151 s.

Branko Tošović

Institut für Slavistik der Karl-Franzens-Universität
(Austria, Graz)

WRITERS' LITERARY REINCARNATIONS

The present study addresses the notion of literary reincarnation, when real writers (poets, novelists, dramatists) become literary characters. The analysis is mainly focused on similarities and differences of Pushkin's and Andrić's literary reincarnations. This paper provides an analysis of transformations of the real person into the virtual personality (in poetry, prose and drama).

Key words: Artistic reincarnation, narrating, transformation, virtual identity, virtual personality, A.S. Pushkin, Ivo Andrić.

References

- Bakenbardy russkoi poezii [Whiskers of the Russian poetry]. Available at: <http://www.mk.ru/culture/article/2009/06/05/295180-bakenbardy-russkoy-poezii.html>. (accessed 12.8.2016)
- Baudrillard Jean. *Simulacres et simulation*. Paris: Galilée, 1981. 230 p. (Russ. ed.: Bodriyar Zh. *Simulyakry i simulyatsiya*. Tula: Tul'skii Poligrafist, 2013. 204 p.)
- Iezuitova R. V. [Evolution of Pushkin's image in the 19th century Russian poetry]. *Pushkin. Issledovaniya i materialy* [Pushkin. Studies and materials]. Meilakh B. S. (ed.). Leningrad, 1967, pp. 113–139. (In Russ.)
- Karpushkina L. A. *Obraz A. S. Pushkina v russkoi literature kontsa XIX – nachala XX vekov i problema literaturnoi retseptsi. Avtoref. kand. diss.* [Pushkin's image in the Russian literature of the late XIX – early XX centuries and the problem of literary reception. Author's abstract of the cand. diss.]. Moscow, 2000. 239 p.
- Leusheva S. [I. Novikov's novel "Pushkin in Mikhailovskoe"]. *Literaturnaya ucheba*. 1937, no. 2, pp. 145–147. (In Russ.)
- Morozov I. A., Frolova O. E. [Pushkin in the anecdote]. *Zhivaya starina. Zhurnal o russkom fol'klore i traditsionnoi kul'ture*. 1999, no. 4, pp. 21–23. (In Russ.)
- Murav'eva O.S. [Pushkin's image: historical metamorphoses]. *Legendy i mify o Pushkine*. Virolainen M.N. (ed.). St. Petersburg, Akademicheskii Proekt Publ., 1995, pp. 113–133. (In Russ.)
- Pushkin A.S. *Tainye zapiski 1836–1837* [Secret notes 1836–1837]. Minneapolis, M.I.P. Company, 1986. 91 p.
- Razvadovskaya N.A. [Pushkin's image in the poetry of singers-songwriters (B. Okudzhava, A. Gorodnitsky, A. Dement'ev, N. Dorizo)]. *Pushkin i mirovaya literatura: materialy 5 Mezhdunarodnoi konferentsii, g. Minsk, 7–8 oktyabrya 2014 g., BGPU im. M. Tanka* [Pushkin and the world's literature: Materials of the 5th International conference, Minsk, October 7–8, 2014]. T.E. Komarovskaya, O.R. Khomyakova, T.V. Danilovich (eds.). Minsk, Tank Belorussian State Pedagogical Univ. Publ., 2014. pp. 105–109. (In Russ.)
- Raikova I.N. *Obraz Pushkina v skazakh B.V. Shergina i narodnaya traditsiya* [Pushkin's image in B.V. Shergin's sketches and the folk tradition]. Available at: <https://refdb.ru/look/2535137.html>. 15.9.2016.
- Skvortsov A. E. "S Pushkinym na druzheskoi noge" (*Obraz Pushkina i pushkinskie motivy v poezii Igorya Irten'eva, Timura Kibirova i Alekseya Tsvetkova*) ["On a friendly foot with

- Pushkin" (Pushkin's image and Pushkin motives in the poetry of Igor' Irten'ev, Timur Kibirov and Aleksei Tsvetkov]. Available at: <http://old.kpfu.ru/science/news/pushkin/p41.htm>. 10.9.2016.
- Toshovich Branko. [Literary reincarnation]. *Aktual'nye problemy stilistiki*. 2016, no. 2, pp. 159–171. (In Russ.)
- Tolstaya T.N. *Kys': Roman* [Kys': A novel]. Moscow, Podkova, Inostranka Publ., 2000. 381 p.
- Tumanov D.V. [Virtualization of A.S. Pushkin's image in Post-Modernist traditions]. *Uche-nye zapiski Kazanskogo universiteta*, vol. 155, book 6: *Gumanitarnye nauki*. Kazan', 2013, pp. 153–161. (In Russ.)
- Versiya 1* [Version 1]. Available at: http://vidimo-nevidimoe.ru/index.php?route=pavblog/blog&blog_id=179. (accessed 10.12.2015)
- Virolainen M. N. (ed.). *Legendy i mify o Pushkine* [Legends and myths about Pushkin]. St. Petersburg, Akademicheskii Proekt Publ., 1995. 352 p.
- Yastrebov A.L. *Pushkin i pustota: rozhdenie kul'tury iz dukha real'nosti* [Pushkin and emptiness: the birth of culture from the spirit of reality]. Moskva, RIPOL Klassik Publ., 2012. 605 p.

Н. М. Азарова

Институт языкознания РАН
(Россия, Москва)
natazarova@gmail.com

Звуковой облик слова в пространстве поэтического билингвизма*

В статье на материале новейшей русской поэзии рассматривается межязыковое взаимодействие, основанием которого служит звуковой облик слова. Стратегии и приёмы использования звукового облика слова как инструмента межязыкового взаимодействия имеют особенности у поэтов – естественных билингвов и монолингвов (культурных билингвов), в результате чего представляется возможность реконструировать когнитивные особенности поэтического мышления, характерные именно для поэтов-билингвов, в частности использование слов-шифтеров, слов трансфера, обеспечивающих возможность перехода от языка к языку без использования непосредственных техник code-switching. В современной поэзии монолингвов наблюдается взлёт межязыкового взаимодействия, основывающегося на гораздо более широком и многообразном использовании звукового образа стиха. Иноязычные инкрустации и межязыковые переходы у большинства поэтов начала XXI в., как билингвов, так и монолингвов, не имеют характера эксперимента и не представляют собой игры на столкновении значений; в антикаламбурности и отсутствии противопоставления языков – принципиальное отличие от традиции «макаронического стиха». Критерий звукового облика слова – важный инструмент для изучения проблемы восприятия чужого языка поэтами. Поэты более, чем рядовые носители языка, склонны репрезентировать и формировать образ чужого языка в виде псевдотекста. Концептуализация поэтами звукового образа чужого языка обусловлена не только языковым окружением, но и дискурсивной практикой, привычной для респондента.

Ключевые слова: поэтический билингвизм, межязыковое взаимодействие, новейшая русская поэзия, слова трансфера, звуковой облик слова.

Среди многочисленных аспектов изучения языка поэзии и прозы, затронутых Н.А. Кожевниковой, особое место занимает внимание к звуковому облику слова. Выделение звуковой близости слов как отдельного и самостоятельного критерия позволяет сблизить и сопоставить разные, на первый взгляд, явления и приёмы, такие, как этимологизация и паронимическая аттракция: «звуковая близость слов лежит в основе двух родственных явлений – паронимии и поэтической этимологии» [Кожевникова 1999: 296].

* Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект №14-28-00130) в Институте языкознания РАН.